

Цзян Жань, заметив, что Ци Лянь всё ещё хмурится, решительно поставила фруктовую тарелку и подставила ей свою руку:

— Ну, потрогай. Вот это норма. Мягкая, но не рыхлая, в отличие от тебя. Сама попробуй — наверняка одни кости!

На Ци Лянь была льняная блузка с коротким рукавом, обнажавшая её тонкие, почти прозрачные руки. Кожа белесая, с чётко проступающими синеватыми прожилками, словно лишь тончайший слой плоти обтягивал кости. С таким-то телом не костлявой не быть!

Мягкая рука Цзян Жань коснулась ладони Ци Лянь, и та инстинктивно сжала её, ощутив под пальцами гладкую кожу. Рука Цзян Жань была упругой, как зефир, и чуть теплее обычного. Прикосновение было настолько приятным, что отпустить не хотелось, но Цзян Жань тут же отдернула кисть. Ладонь опустела, и Ци Лянь, сжав тонкие губы, украдкой потрогала собственное предплечье.

Действительно, костлявое. Холодное. И совсем не такое мягкое, как у Цзян Жань. Неприятное.

Ци Лянь резко убрала руку, пальцы непроизвольно сжались. Неужели она и вправду слишком худа?

— Вот видишь, Ци Лянь, ты вовсе не поправилась, тебе нужно есть больше, — снова взяла фруктовую тарелку Цзян Жань, поднося кусочек к её губам. — Странно как-то. Живём вместе больше месяца, я три раза в день тебя кормлю, а ты хоть бы грамм набрала. Интересно, куда уходит вся эта еда?

Ци Лянь нахмурилась:

— Кормишь меня?

Цзян Жань хихикнула:

— Ты в моём доме живёшь, мою еду ешь — разве не я тебя кормлю? Плату за питание ты не вносишь.

Она, конечно, и не думала требовать денег — лишний человек, лишняя пара палочек. Да и без Ци Лянь некому было бы пробовать новые блюда.

Ци Лянь опешила. Она никогда об этом не задумывалась, и выражение её лица стало странным. Недолго подумав, она активировала фотонный компьютер на запястье:

— Я переведу тебе деньги. Не корми меня. Мне не нужно, чтобы меня содержали.

С этими словами она запустила диалоговую систему, намереваясь сразу перечислить федеральные кредиты на счёт Цзян Жань. Та с удивлением остановила её:

— Какие ещё деньги? Ты ешь — птичка не больше! Мне твоих денег не надо! Я же сразу сказала: после нашего фиктивного брака я с тебя ничего брать не буду.

Но это же диалоговая система — как Цзян Жань может её остановить? Ци Лянь счла это глупостью, и напряжённость в её чертах слегка смягчилась.

— За один раз я действительно мало ем, но со временем наберёт приличная сумма. Раз уж ты не хочешь брать деньги, нам нужно всё чётко обговорить. Я не люблю сидеть на чужой шее.

До этого момента Ци Лянь никогда не задумывалась о деньгах. Она не планировала платить Цзян Жань за еду, не размышляла о «кормлении» и «содержании». Но когда Цзян Жань в шутку обронила эти слова, Ци Лянь вдруг осознала: со стороны это выглядит так, будто она «едок за чужой счёт». Будто её содержат.

Она, наследная принцесса Империи, владеющая тремя зависимыми планетами, — и чтобы её кто-то кормил?!

Если в этом браке кто и должен быть на содержании, так это Цзян Жань, эта простодушная девушка. Подумав так, Ци Лянь ощутила в груди странное, смутное удовлетворение.

Однако Цзян Жань явно не из тех, кто легко сдаётся. Она твёрдо отказалась и даже «пригрозила»:

— Если будешь настаивать на расчётах, я просто перестану для тебя готовить.

Шутка ли — она наконец нашла способ отблагодарить Ци Лянь, а если та станет платить, долг только вырастет.

Перестанет готовить? Ци Лянь тут же выразила сомнение, и Цзян Жань обрадовалась:

— Ладно, считай это платой за дополнительные занятия, мой учитель Ци.

У Цзян Жань был типичный южный акцент, и хотя она говорила на федеральном языке, в интонациях сквозила мягкость девушек с юга. Слова «учитель Ци» заставили щёки Ци Лянь вспыхнуть.

Ци Лянь молча выключила фотонный компьютер.

Вот и славно. Цзян Жань успокоилась, внимательно оглядела Ци Лянь и недовольно заметила:

— Вообще-то ты и вправду слишком худая. Я всё хочу тебя откормить, но, кажется, без толку. Может, времени мало. Ничего, у нас ещё много времени впереди.

Его хватит, чтобы сделать Ци Лянь румяной и полной.

Цзян Жань всегда считала: хоть болезнь Ци Лянь и вызвана буйством ментальной силы, дух всё же опирается на тело. Раз Ци Лянь такая худая, вряд ли это помогает выздоровлению. Если же Цзян Жань удастся укрепить её тело, то, как минимум, бороться с буйством ментальной силы станет легче.

Выходящая из традиционного Китая, Цзян Жань порой мыслила очень практично. Разве китайцы не считают, что при любой болезни нужно питательно есть?

Ещё много времени? Эти слова пробежали по сердцу Ци Лянь тёплой волной. Она, конечно, понимала, что Цзян Жань имеет в виду три года, оговорённые в их контракте.

Предположение, основанное на договоре, казалось сухим и формальным, но из этих слов явствовало: Цзян Жань искренне намерена «откормить» её в ближайшие три года.

Откормить? Ци Лянь мысленно переварила это слово и вдруг перестала улыбаться.

Звучало так, будто речь о щенке или поросёнке. Мгновенно Ци Лянь ощутила сопротивление.

Но это сопротивление бесследно испарилось, когда среди ночи её разбудил голод.

Голод. Проснувшись, Ци Лянь с тоской прижала руку к животу. Да, вечером она ничего не ела. Тогда это не ощущалось, но к полуночи голод нагрянул внезапно.

Ци Лянь никогда не знала, что такое голод. Она всегда ела трижды в день, по часам. Даже при скромном аппетите пища поступала регулярно. Да и жила она тогда не с Цзян Жань, не знала, каково это — трижды в день есть досыта, да ещё и с перекусами.

Познав такую сытость, голодный зверь становится лишь свирепее. Когда он приходит, это невыносимо.

Так было и теперь. Спать не получалось, вставать — потревожишь крепко спящую рядом Цзян Жань. Даже лёжа без дела, она чувствовала, как пустота в желудке накатывает волнами, будто требуя немедленно встать и поесть.

Голод заставлял её ворочаться.

Она перевернулась с аккуратной позы на спине на бок — вроде полегчало. Но вскоре снова невыносимо легла на спину. Переворачиваясь так, она нечаянно стукнула костяшками пальцев о буковый край кровати. В ночной тишине даже этот тихий звук отдался громко, и Цзян Жань проснулась.

С тех пор как они стали спать вместе, Цзян Жань впервые просыпалась среди ночи. Она потёрла глаза и села на кровати:

— Ци Лянь... что с тобой?

В голосе густо звучала сонливость.

Ци Лянь промолчала, уткнувшись лицом в одеяло, пытаясь изобразить глубокий сон. Но Цзян Жань стремительно протрезвела. Она испугалась, не началось ли у Ци Лянь буйство ментальной силы, и, содрогнувшись, осторожно потрясла её за плечо:

— Ци Лянь, что случилось? У тебя буйство ментальной силы? Не пугай меня...

Вспомнив последствия прошлого приступа, Цзян Жань спрыгнула с кровати и, подобно котёнку перед тигром, настороженно уставилась на Ци Лянь, готовая в любой момент броситься прочь.

Ци Лянь не смогла больше притворяться. Она сбросила с головы одеяло и глухо промолвила:

— Всё в порядке. Не бойся. Никакого буйства.

Но Цзян Жань всё ещё сомневалась. Она уже почти отступила к двери:

— Правда?

Ци Лянь скрежетанула зубами и отрывисто бросила:

— Правда.